

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ

Т.Е. Покотилова, Т. А. Шебзухова

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ИЗ ОПЫТА УСПЕШНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: В статье анализируется один из важнейших аспектов истории взаимодействия общества и власти в северокавказском регионе в конце XIX-начале XX веков, связанный с общественным благотворительным движением. Авторы показывают, что, являясь составной частью общероссийского благотворительного процесса, деятельность северо-кавказских общественных объединений по замещению власти в организации важных сфер жизни локальных социумов имела свою специфику.

Ключевые слова: социология, благотворительная деятельность, национальные благотворительные организации, сфера социального призрения, попечительно-образовательная и просветительная деятельность, нерешенность социальных проблем, легитимность, модернизационные процессы, общественная самодеятельность, общественные организации

Не откроем секрета, утверждая, что не только подавляющее большинство авторитетных участников общественно-политической практики в России, но и многие ученые-обществоведы видят корни большинства бед нашего многострадального Отечества в исторически сложившемся отсутствии адекватного диалога между властью и обществом. Хотя, взгляды на причины этого явления часто радикально расходятся. Соответственно, предлагаемые рецепты по достижению взаимовыгодного взаимодействия, способного обеспечить необратимость и эффективность процессов продвижения России по пути прогресса, будучи часто кардинально отличными друг от друга, составляют основу соперничающих ценностных систем и политических воззрений.

Современная ситуация на Северном Кавказе такова, что от оптимальности предпринимаемых шагов и предлагаемых моделей ее разрешения, без преувеличения, зависит будущее всей России как федерации народов, ее населяющих, и единого государства. Поэтому изучение и применение исторического опыта совместной работы власти и общества по обеспечению стабильности в регионе – одна из злободневных задач текущего дня.

Традиционная, исторически сложившаяся и, казалось бы, застывшая в веках ситуация, когда власть боялась и всячески противилась любым проявлениям общественной самодеятельности, а эта самая самодеятельность редко была конструктивной, а что касается неполитической – очень ленивой, стала коренным образом меняться с начавшимися в стране реформами второй половины XIX в.

Предоставление личной и экономической свободы громадному количеству россиян вкупе с иными знаковыми мероприятиями, связанными с капиталистической модернизацией Российской империи, повлекли за собой, во-первых, появление и возрастание потребности власти опереться на общественные усилия, прежде всего, в организации жизни на местах. Во-вторых, само общество в ходе модернизационных преобразований прирастало пассионарными элементами, желавшими лучше «обустроить Россию».

Традиционное недоверие друг к другу автократия и исторически инфантильное общество проще и легче всего преодолевали в сфере организации и реализации мер заботы о социально недостаточных слоях населения, ряды которых активно пополнялись в условиях буржуазных реформ.

Уже в 1862 г.,¹ еще до создания земств, состоялась легитимация ширившегося по стране стремления активной общественности добровольно объединяться в организации для осуществления благотворительной деятельности. Конечно, разрешенная процедура создания таких обществ частного-правового характера была выдержана в духе известной и вполне соответствовавшей природе российского политического строя противоречивости в политике проведения реформ. Чувствовались, с одной стороны, желание стимулировать общественное развитие в государственных интересах, с другой – страх, что последнее может зайти слишком далеко, либо принять непредвиденные и нежелательные формы.

Тем не менее, если в начале царствования Александра II в империи существовало всего 40 благотворительных обществ, то к 1880 г., их было уже 348.² А в 1901 г. сведения о своей деятельности представили уже 3700 частных благотворительных обществ.³ По назначению эти объединения делились на три группы: 1. общества, оказывавшие смешанную помощь, т.е. «общеблаготворительные»; 2. общества, создававшие и патронировавшие деятельность различного рода благотворительных заведений; 3. общества, созданные для оказания помощи в какой-либо форме.

Общее число благотворительных общественных организаций первой группы, включая сюда и союзы взаимопомощи, к 1902 г. достигало 2.634 (55,3% всех благотворительных обществ). Они располагали недвижимостью на сумму 22.870.865 руб. и капиталом в 82.029.718 руб. Доходы их достигали 18.298.802 руб., расходы – 12.608.610 руб.⁴

Обществ, заботившихся об устройстве и поддержке благотворительных заведений, к 1902 г. насчитывалось 600, или 12,6%. 302 из них опекали детские приюты; 8 – детские дома трудолюбия; 58 – другие заведения для детей; 56 – дома трудолюбия для взрослых, а 176 – все остальные заведения для

взрослых. Все эти общества в целом располагали недвижимостью на сумму 15.348.290 руб. и капиталом в 17.026.083 руб., доходы их выразились в сумме 5.879.502 руб., расходы – 5.060.110 руб.⁵

Число общественных организаций, члены которых осуществляли лишь один из видов помощи, к 1902 г. достигало 1.528, т.е. 32,1% общего числа благотворительных обществ. Помощь эта выражалась деньгами, «пропитанием», предоставлением жилья, платой за обучение, предоставлением работы, снабжением различными вещами.⁶

Помощью всех благотворительных общественных объединений в 1901 году в России воспользовались 544.346 человек и 36.587 семей.⁷

Даже эта немудреная статистика свидетельствует о достаточно успешном и нарастающем взаимодействии общества и власти в сфере организации помощи малоимущим категориям населения в получении ими материальной и финансовой поддержки, жилья, образования, лечения и пр. В Российской империи, где социальная политика традиционно финансировалась по остаточному принципу, а бедность прирастала по мере развития модернизационных процессов, власть в лице благотворительных общественных организаций получила незаменимого помощника. И при всей строгости контроля за их деятельностью через жесткую регламентацию ее нормативной базы, организацию ежегодной отчетности, как одного из условий продолжения функционирования, всячески их поддерживала и даже принимала в них участие.

Немаловажен при этом и такой аспект, как получение равнодушной общественностью права и возможности проявлять свою гражданскую активность добровольно и в легитимных формах. Как важно и то, что характер этой деятельности был связан с работой по улучшению жизни народа, к чему традиционно стремилась российская интеллигенция. Именно в различных благотворительных обществах частного-правового характера в России второй половины XIX-начала XX веков сосредоточились многие из тех образованных людей, кто искал эволюционного пути в развитии страны, являясь сторонниками

¹ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 37, отд. 1. – СПб., 1880. – С. 26.

² ЦГИАМ. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 127. Лл. 2-3 об.

³ Эти сведения представлялись по запросу канцелярии по учреждениям императрицы Марии Федоровны для составления «самого полного обзора русской благотворительности» и вошли в издание «Благотворительность в России». (В 2-х т.- СПб., 1907.).

⁴ Благотворительность в России. Т. 1. – С. XXXV.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. XXXVI.

достижения прогресса через просвещение, гармонизацию общественных процессов.

Окончательное включение территории Северного Кавказа в состав Российской империи и ее административное обустройство по времени совпали с периодом проводившихся в России буржуазных реформ. Вовлекая народы присоединенных территорий в этот модернизационный процесс, российские власти параллельно вынуждены были решать здесь целый набор не менее важных проблем, связанных с организацией адекватной системы управления в многонациональном и неспокойном регионе и обеспечением вхождения народов Северного Кавказа в российское социокультурное пространство.

Поэтому, даже в условиях военно-административной системы управления, власти Терской области не только достаточно терпимо относились к общественным инициативам и акциям благотворительного характера, но и поощряли их. Тем более, что пример соседа по региону – Ставропольской губернии, следовавшей, в этом плане, в фарватере российского общественного благотворительного движения, давал яркие образцы уместности и успешности объединения активных, прежде всего, горожан для совместной попечительно-образовательной и просветительской деятельности, а также организованной работы в сфере социального призрения.

Известно, что период последней четверти XIX-начала XX веков вызвал на Ставрополье, как и по всей стране, рост количества общественных организаций, занимавшихся проблемами повышения уровня грамотности среди населения губернии через распространение идей просвещения различными средствами и организацию практической работы, в том числе, и средствами внешкольного образования. Исследователь Е.В. Четверикова подсчитала, что в период с 1906 г. по 1916 г. в Ставропольской губернии появилось 19 только просветительских обществ.⁸ Значимость этой цифры особенно очевидна на фоне следующей статистики рубежа XIX-XX веков: на 1 января 1901 года число учащихся начальных училищ ко всему населению губернии составляло всего 1,5%, а одна школа приходилась на 3 682 человека и

на пространство в 185 квадратных верст.⁹ Участие же государства в финансировании народного образования на территории всего Северном Кавказе к этому времени составляло 6,6% от всех затрат на регион.¹⁰

«Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе», созданное в 1878 году,¹¹ стало, своего рода, моделью по успешному использованию различных форм организованной общественной работы в образовательно-просветительской сфере жизнедеятельности губернского социума. Создание и обеспечение деятельности трех школ для детей из бедных семей, четырех воскресных школ и вечерних курсов для взрослых; организация бесплатных библиотек и народных чтений, в том числе, и ряде сел губернии, были не только остро востребованы на Ставрополье, но и дали импульс к рождению и активной деятельности таких общественных объединений, как Пушкинское просветительское общество в Медвеженском уезде (1899 г.), просветительское общество в с. Белая Глина (1906 г.), Эсто-хагинское общество народного образования (1910 г.) и др.¹²

Деятельность вышеназванных организаций была, при этом, отражением лишь части общественных усилий, направлявшихся на развитие народного образования в губернии. Основной и очень весомый вклад вносили общества, занимавшиеся организацией непосредственной помощи «недостаточным» учащимся, под более-менее общим названием «общества вспомоществования» нуждающимся учащимся или отдельным учебным заведениям. Деньги на оказание помощи в виде финансирования деятельности школ и гимназий; оплату обучения наиболее нуждающихся учащихся; приобретение для них учебников, одежды, обуви, медикаментов, выдачу им денежных пособий или стипендий и др. члены организаций изыскивали из собственных взносов,

⁸ Четверикова Е.В. Просветительские общества на юге России в конце XIX-нач. XX вв. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005. – С. 16.

⁹ Алибегов И.Г. Народное образование на Кавказе. – Тифлис, 1903. – С. 8-14.

¹⁰ Клешня Ю.В. Неполитическая деятельность провинциальной интеллигенции в России в конце XIX-начале XX вв. (на материалах Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2010. – С. 23.

¹¹ Краснов М. Историческая справка к 25-летию Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. – Ставрополь, 1913. – С. 7.

¹² ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Т. 2. Д. 2628, 3407, 3445 и др.

доходов от устройства различных благотворительных акций, сбора пожертвований. При этом, в г. Ставрополе наиболее авторитетным и эффективным из этих общественных объединений иногда помогали городские власти.

В особую заслугу организованной общественности Ставрополя необходимо отнести активное содействие становлению и развитию системы женского образования в губернии: «поскольку государство не стремилось брать на себя бремя финансовых расходов в этой сфере»,¹³ именно общественные объединения взяли на себя решение и достойно справились с этой животрепещущей социальной проблемой.

Не менее затратной при этом, с точки зрения приложения усилий и вложения финансов, а, значит, и приоритетной, оставалась в изучаемый период, и работа активных членов общества в качестве «корреспондента» деятельности властей в сфере социальной помощи населению губернии. Ведь в условиях капиталистической модернизации эта сфера требовала общественного участия все в больших размерах. Немощные, часто не нужные никому, старики и калеки; сироты и беспризорники; неимущие вдовы; бежавшие от голода и войны из «внутренних» губерний империи ждали и часто получали общественную помощь. Благотворительные организации, представленные в Ставропольской губернии всеми тремя, названными выше, общероссийскими типами, организовали призрение сирот, калек, престарелых в специально создаваемых заведениях, предоставляли различные виды трудовой помощи; выдавали нуждающимся продукты питания, одежду; предоставляли кров; оказывали бесплатную медицинскую помощь; выдавали ссуды; помогали беженцам в возвращении на родину; оказывали разнопрофильную неоценимую помощь пострадавшим в Первой мировой войне.

Названные выше особенности многонациональной Терской области, влившейся в политико-экономическое пространство Российской империи на волне проводившейся в ней модернизации, обусловили определенную специфику развития здесь процесса становления сотрудничества власти и общества в изучаемой сфере.

Во-первых, высокая степень нерешенности и специфика социальных проблем региона обусловили, до конца XIX века, интерес общества и власти к созданию и расширению сети общественных организаций общепоблагодетельного характера. Тогда, как общероссийская тенденция по организации общественного попечения, например, об образовании учащихся из недостаточных семей, реализовалась уже, в большинстве своем, отдельными общественными организациями, созданными специально для работы по «вспомоществованию» нуждающимся учащимся. В их числе – Владикавказское благотворительное общество (образовано 15 июля 1880 г.¹⁴), Кизлярское общество попечения о бедных, Нальчикское благотворительное общество,¹⁵ Моздокское благотворительное общество¹⁶ и др.

Во-вторых, среди приравставших в количестве на рубеже XIX-XX веков благотворительных обществ стали появляться национальные благотворительные организации, в том числе, конфессиональные. При этом, набравшие темпы процессы политико-экономического и социокультурного втягивания народов Терека в единое российское пространство обусловили разрастание, особенно с 1906 г., сети общественных благотворительных объединений, специализировавшихся уже на предоставлении помощи в обучении как недостаточным отдельным школьникам и студентам, так и целым учебным заведениям. Так, например, старейшее в этом плане «Общество вспомоществования учащимся г. Владикавказа» (устав утвержден 22 января 1880 г.¹⁷), практически, все средства, полученные им в 1892-1893 гг. от членских взносов, проведения лотереи-аллегри, благотворительного детского вечера, благотворительного базара, из пожертвований граждан и Владикавказского собрания, потратило на оплату обучения 31 ученицы Владикавказской Ольгинской женской гимназии (1264 руб.); 22 учеников Владикавказской классической гимназии (612 руб. 50 коп.); 20 учеников Владикавказского Николаевского городского училища (75 руб.); 4 учеников городских школ (16 руб. 62 коп.); 4 учениц городских школ (43 руб. 98 коп.); 10 слушателей высших учебных заведений (367 руб. 61

¹³ Нагорная Ю.В. Российские женщины в благотворительном процессе второй половины XIX-начала XX веков (на материалах Терской области и Ставропольской губернии): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2006. – С. 27.

¹⁴ ЦГА РСФСР – А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Л. 54.

¹⁵ ЦГА РСФСР – А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 179. Л. 41.

¹⁶ ЦГА РСФСР – А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 177. Л. 50.

¹⁷ ЦГА РСФСР – А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 179. Лл. 80-84.

коп.).¹⁸ Важен уже факт такого участия общественности г. Владикавказа в работе на образовательные нужды населения города в условиях приобщения региона к общероссийским социокультурным и модернизационным процессам. Но здесь важны и детали. Во-первых, - в составе опекаемых – дети и молодые люди разных национальностей, а во-вторых – очевидно усиленное внимание (по выделенным средствам – это вдвое больше) образованию девочек на фоне общероссийской тенденции существования огромной разницы в государственном финансировании мужского и женского образования.

Власти региона приветствовали и поощряли создание общественных организаций, избравших своей целью и содействие образованию представителей отдельных национальностей. Тем более, если члены этих обществ заявляли в уставных документах о своем желании делать это с использованием таких форм, которые не только соответствовали духу и требованием происходящих в регионе модернизационных процессов, но и работали на их ускорение. Так, 2 июня 1910 г. был утвержден устав Общества просвещения ингушского народа Назрановского округа и Терской области.¹⁹ Своей целью общественная организация избрала «содействовать школьному образованию среди ингушей, а также устройство всякого рода просветительских учреждений и организаций, носящих общественный характер и клонящихся к пользе ингушского народа, как-то: устройство складов земледельческих орудий, кредитных обществ, открытий разных мастерских, устройство больниц и т.д. Оно (Общество) оказывает материальное вспомоществование недостаточным учащимся ингушам во всех учебных заведениях...».²⁰

В истории создания и деятельности названной общественной организации в контексте темы нашего исследования интересны еще два важных момента. Во-первых, учредителями этого объединения стали представители, в основном, ингушской элиты; во-вторых, в документах, поданных для рассмотрения временным генерал-губернатором Терской области Колюбакиным, это были поручик Гуда Алиевич Гудиев, поручик А.Б. Базоркин, землевладелец Х.К. Льянов, поручик К. Батыров и А.Б.

Озиев,²¹ а учредителями разрешенного к открытию Общества (это произошло 2 июля 1910 г.) стали уже другие люди: войсковой старшина Эльберт Нагиев, командир Терской постоянной милиции капитан Шадиев, князь Кази Маршани, Мачко Ужахов и Идрис Алмазов. Факты смены учредителей и длительности процесса утверждения организации вполне укладываются в существующие представления о крайней осторожности российских властей в деле развития общественной самодеятельности в дореволюционной России, даже в условиях логичного существования потребности в опоре на общество в проведении столь значимых преобразований в стране. При всем этом, лишь один только перечень общественных организаций, носивших частно-правовой характер и действовавших на территории Терской области на 10 августа 1913 г., составленный секретарем общего присутствия Терского областного правления, содержит 74 наименования обществ, кружков, союзов и проч. Значительная часть из них, - организации, в той или иной форме, занимавшиеся благотворительностью. Но очевидна и тенденция, - как к стремлению активной общественности расширить сферу своей организованной неполитической самодеятельности, так и к привычке власти не только искать союзника в гражданах, использовавших философию «малых дел», но и все больше опираться на них в организации жизни на местах, с учетом, в том числе, специфики экономического хозяйствования. В одном только городе Грозном в 1913 г. действовали 12 общественных организаций. И именно здесь ярче всего в регионе проявилась наиболее характерная черта взаимоотношений власти и общества в условиях России периода империализма: постепенная легитимация процесса расширения участия общественного элемента в организации собственной социальной и хозяйственной жизни в регионе в соответствии с требованиями времени. Лишь 3 общества в Грозном носили ярко выраженный благотворительный характер, 2 объединения были созданы с целью организации взаимопомощи сотрудникам внутри таких отраслей, как нефтедобыча и торговая промышленная деятельность; 3 объединения принадлежали портным и нефтяникам, отстаивавшим свои интересы в качестве потребителей, остальные удовлетворяли запросы граждан Грозного в сфере

¹⁸ ЦГА РСФСР – А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182. Лл. 4-4 об.

¹⁹ ЦГА РСФСР – А. Ф. 199. Оп. 2. Д. 124. Л. 19.

²⁰ ЦГА РСФСР – А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 5 об.

организации своего досуга, даже в области «покровительства» животным.²²

Первая мировая война не только, практически, прервала развитие осторожного процесса сближения власти и конструктивно настроенной общественности на почве организации жизни населения на местах, но и резко активизировала своими последствиями радикализацию

русского общества в поисках путей к достижению всеобщего благополучия на базе иных ценностей.

Сегодня же мы не можем не обращаться к опыту тех, кто в непростых условиях многонационального региона Российской империи рубежа XIX-XX веков работал как на его собственное развитие, так и на упрочение его положения в качестве полноценного субъекта России.

Библиография:

1. Алибегов И.Г. Народное образование на Кавказе. – Тифлис, 1903.
2. Клешня Ю.В. Неполитическая деятельность провинциальной интеллигенции в России в конце XIX-начале XX вв. (на материалах Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2010.
3. Краснов М. Историческая справка к 25-летию Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. – Ставрополь, 1913.
4. Нагорная Ю.В. Российские женщины в благотворительном процессе второй половины XIX-начала XX веков (на материалах Терской области и Ставропольской губернии): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2006.
5. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 37, отд. 1. – СПб., 1880.
6. Четверикова Е.В. Просветительские общества на юге России в конце XIX-нач. XX вв. (на материалах Ставрополя, Дона и Кубани): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005.

References (transliteration):

1. Alibegov I.G. Narodnoe obrazovanie na Kavkaze. – Tiflis, 1903.
2. Kleshnja Ju.V. Nepochiticheskaja dejatel'nost' provincial'noj intelligencii v Rossii v konce XIX-nachale HH vv. (na materialah Stavropol'skoj gubernii, Kubanskoj i Terskoj oblasti): Avtoref. diss... kand. ist. nauk. – Stavropol', 2010.
3. Krasnov M. Istoricheskaja spravka k 25-letiju Obwestva dlja sodejstvija rasprostraneniju narodnogo obrazovanija v g. Stavropole. – Stavropol', 1913.
4. Nagornaja Ju.V. Rossijskie zhenwiny v blagotvoritel'nom processe vtoroj poloviny XIX-nachala HH vekov (na materialah Terskoj oblasti i Stavropol'skoj gubernii): Avtoref. diss... kand. ist. nauk. – Stavropol', 2006.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 2-e sobr. T. 37, otd. 1. – SPb., 1880.
6. Chetverikova E.V. Prosvetitel'skie obwestva na juge Rossii v konce XIX-nach. HH vv. (na materialah Stavropol'ja, Dona i Kubani): Avtoref. diss... kand. ist. nauk. – Stavropol', 2005.

²² ЦГА РСО – А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 271. Лл. 3-5.